

Валерий РУБИНЧИК:

Моек. прэвяд. - 1997 - 21 ЯНЬ - с. 9

Не люблю пренебрежительное слово «киношник»!

Когда-то никому не известный Валерий Рубинчик пришел во ВГИК в режиссерско-актерскую мастерскую Якова Сегеля. Теперь он - известный режиссер, сам преподает во ВГИКе, тоже в режиссерско-актерской мастерской. Сегодня в его «режиссерском списке» четырнадцать картин. Не все они стали широкоизвестными, но всегда запомнились. Принцип, лежащий в основе его картин: «развлекая, размышлять» - замечательный принцип...

- Валерий Давидович, расскажите, каким образом судьба привела вас в кинематограф? Как все начиналось?

- Я мечтал стать режиссером еще со школы, с четвертого класса. Правда, тогда я еще слабо представлял себе суть этой профессии и все ее чудеса. Я жил в Минске, и мой отец работал администратором, директором джаз-оркестра Эдди Розенра. Наверное, все началось с увлечения музыкой, театром...

- Но вы выбрали именно кинематограф!

- Я всегда ощущал могущество кинематографа. И если театр порой казался мне чем-то переходящим, в чем-то провинциальным, то кинематограф я всегда воспринимал как нечто более веское, грандиозное. Так, мой детско-юношеский максимализм сводил мои устремления к единственному желанию - поступить во ВГИК. Первый раз я поступал сразу после школы и не поступил, зато поступил в Белорусский театральный институт. Проучившись три года в режиссерской мастерской, я снова держал экзамены во ВГИК и на этот раз выдержал их успешно. Я был вдвойне счастлив еще потому, что поступил к Якову Александровичу Сегелю!

- Сегель действительно сыграл для вас роль Учителя - наставника, о котором можно только мечтать?

- Безусловно. Я бесконечно благодарен судьбе за то, что она свела меня с Яковым Александровичем. Это был необыкновенный человек. В своей

КИНО

матографической родине - «Беларусьфильме»...

- Я пришел туда разнорабочим, потом хлопал хлопушкой, был администратором, помрежем, ассистентом... Я знал там все закуски. На этой студии я провел большую часть своей творческой жизни. Это мой родной дом. Для меня «Беларусьфильм» остался волшебной зоной прошлого, где все кажется красивым, чистым, притягивающим. Но за ее пределами для меня начался новый этап жизни. Произошли перемены в общественной жизни, начались производственные сложности в кинематографе, кризис индустрии...

Когда учился во ВГИКе, я очень органично погрузился в кинематографическую жизнь... Знаете, как ни странно, какие-то черты моего характера подходили к государственному кинематографу. Да, да, я мог обижаться, хлопать дверью, спорить с директором студии, но... никогда не задумывался о прокатной судьбе фильма и о том, кто финансирует мой фильм. Это было вне сферы моих интересов. Главными оставались вопросы творческие: мне всегда был интересен процесс съемок, монтажа, озвучивания...

- Вы могли бы выделить одну - основную - тему, которая интересовала вас всегда: тогда - молодого режиссера и сейчас, в период зрелости? Что вы обычно ищете, рассматривая проект нового фильма?

- Меня всегда интересовала драма человека, противостоящего социальным условиям, в которых он вынужден существовать. Это видно по фильмам «Венок сонетов», «Дикая охота короля Стаха», «Культпоход в театр»... Это сейчас наша жизнь преобразуется. Я верю в прекрасное будущее. Но вместе с тем - уходят привычные старые драматургические пружины, рождаются иные проблемы, иной стиль жизни, иной кинематограф, отражающий и преобразующий эту реальность...

- Часто ли у вас после пре-

меры возникало желание что-то переделать?

- Довольно часто. Или пере- снять, или доснять, или перемонтировать.

- В кинематографе можно условно выделить две функции - развлекательную и просветительскую. Какая кажется вам наиболее приемлемой?

- Для меня это самый главный вопрос. Чисто развлекательную функцию я, увы, не приемлю. Я ее не отрицаю и не избегаю, но снимать кино исключительно ради развлекательности не стал бы. Мне кажется, в этом есть что-то обывательское, мещанское... И в то же время сейчас, когда кинематограф становится независимым и сливается с телевидением, развлекательная функция становится по-своему важной. Она может быть представлена как бы прозрачно, вполне безобидно. Но если я приступаю к работе над фильмом с исключительно просветительской целью - это будет означать, что я какой-то возмнивший о себе аскет, который всех хочет чему-то научить. Я вовсе не считаю себя умнее всех. Поэтому, пользуясь вашей терминологией, можно сказать, что в своих картинах я хотел бы совмещать обе функции художественного кинематографа.

- С чего начинается кино для вас?

- Как ни странно, для меня кинематограф начинается не с истории, а с некоего визуального ряда, который постепенно выстраивается в моем воображении. Появляется фигура, образ, атмосфера, потом начинают вырисовываться подробности. Движение - от персонажа к истории... Постепенно вырисовывается идея, сценарий. Но первый импульс - воспоминание. Совсем как в детском стихотворении «Дом, который построил Джек»...

- Валерий Давидович, как вы полагаете, режиссер больше работает для себя, ради «чистого» творчества, или все-таки задумывается о зрителях, о возможном успехе?

- Здесь все намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. По-настоящему художник пишет картины «для

себя». Ведь если он будет думать о зрителе, славе - получится нечто ремесленное, по существу не имеющее отношения к творчеству. Не думаю, что Толстой семь раз переписывал начало «Анны Карениной» только из-за того, чтобы читатель «лучше понял». Нет. Он переписывал для себя, в поисках художественного совершенства. Самое главное - органичность. Если возможно совмещать творчество с мечтами об успехе - ради бога. Но все должно быть органично. Сразу оговорюсь, что это удается не всем. Например: включаю телевизор, смотрю, как органично развивается действие. И вдруг - какая-то панорама и... Ну, допустим, из гроба встает мертвец! Оказывается, это так называемый «фильм ужасов». Я выключаю телевизор, мне неинтересно.

- Не значит ли это, что в кино все должно быть как в жизни?

- Нет. Экран преобразует жизнь. Кино - это вторая реальность. Реальность, преобразованная художником.

- В нашей культуре сейчас происходит нечто, напоминающее возрождение язычества - с его культом страстей и тела. Это явно прослеживается в кинематографе и, в частности, в ваших последних фильмах.

- Неужели? Наше с вами понимание язычества может не совпадать. Для вас это - язычество, знак, для меня - нечто подсознательное, из области сновидений. Свое подсознательное я пытаюсь спроецировать на кинематографические истории... Кинематограф - это действительно чудо.

Когда меня просят рассказать какую-нибудь забавную историю, происходившую на съемках, я часто пытаюсь отговориться - смешного, забавного там, дескать, ничего не происходит... Съемки фильма - дело серьезное и по-своему изумляющее. Поэтому я не люблю пренебрежительное слово «киношник». Кинематограф - великое искусство. Его можно посвятить жизнь, но так и не постичь до конца...

Лидия КРЫМОВА.